

*В память о Мейбл (1896–1966),
Этель (1892–1974) и Грэге (1900–1992)*

**THE LOST WORLD OF
BYZANTIUM**

JONATHAN HARRIS

YALE UNIVERSITY PRESS
NEW HAVEN AND LONDON

ДЖОНАТАН ХАРРИС

ВИЗАНТИЯ

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ИМПЕРИИ

Перевод с английского

Москва
2017

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4
Х21

Переводчик Наталья Нарциссова

Харрис Д.

Х21 Византия: История исчезнувшей империи / Джонатан Харрис ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 386 с.

ISBN 978-5-91671-755-6

Возникнув на обломках великой Римской империи, Византия на протяжении своей более чем тысячелетней истории была ареной постоянных вторжений, осад и войн. Граница Запада и Востока, символ христианского мира — Константинополь — манил захватчиков, поражая своим богатством и великолепием. Каким образом Византийская империя, которой некогда принадлежало полмира, несмотря на все потрясения, просуществовала поразительно долго и почему в конце концов исчезла почти бесследно, словно растворилась? Древнюю державу не спасли ни мощная армия, ни искусность ее политиков, ни неприступные стены Константинополя, ни вера в то, что Бог не оставит первую на земле христианскую империю, распространившую новую религию не только по своей обширной территории, но и в соседних государствах. О том, как зародилась, правила миром и погибла Византия, а также какое наследие оставила современному миру, рассказывает британский историк Джонатан Харрис.

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

© Jonathan Harris, 2015

Originally published by Yale University Press

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

ISBN 978-5-91671-755-6 (рус.)
ISBN 978-0-300-17857-9 (англ.)

Оглавление

<i>Иллюстрации и карты</i>	7
<i>Предисловие и благодарности</i>	10
Пролог	13
Глава 1. Сумерки богов	21
Глава 2. Форпост империи	61
Глава 3. Лавина	97
Глава 4. Мир меняется	127
Глава 5. Покорение Севера	159
Глава 6. Пути славы	191
Глава 7. Долгая тень	223
Глава 8. Враг внутри	259
Глава 9. Новый Константин	289
Глава 10. Старик вспоминает...	319
Эпилог	349
<i>Хронология</i>	353
<i>Словарь</i>	361
<i>Библиография</i>	363
<i>Предметно-именной указатель</i>	373

Иллюстрации и карты

1. Статуя Константина, Капитолийский холм, Рим (maratr/Shutterstock.com).
3. Серебряное блюдо с изображением Феодосия I (FXEGS Javier Espuny/Shutterstock.com).
4. Феодосий на ипподроме, основание колонны (BasPhoto/Shutterstock.com).
5. Руины Серапеума, Александрия (Sorucac37/Shutterstock.com).
6. Базилика Санта-Мария-Маджоре, Рим (feliks/Shutterstock.com).
7. Церковь Святого Симеона Столпника, Калаат Семаан, Сирия (Rafal Cichawa/Shutterstock.com).
8. Базилика Сант-Аполлинаре-Нуово, Равенна (Borisb17/Shutterstock.com).
9. Юстиниан I, мозаика из базилики Сан-Витале, Равенна (Michal Szymanski/Shutterstock.com).
10. Собор Святой Софии (Mikhail Markovskiy/Shutterstock.com).
11. Церковь Святых Сергия и Вакха, Константинополь (Borisb17/Shutterstock.com).
12. Номисма императора Ираклия (фото автора).
13. Стены Константинополя (Tolga Sezgin /Shutterstock.com).
14. Икона «Одигитрия» (Dmitry Kalinovskiy/Shutterstock.com).
15. «Темная церковь», Каппадокия, Малая Азия (Adisa/Shutterstock.com).

16. Богородица с младенцем, мозаика из собора Святой Софии, Константинополь (Vadim Petrakov/Shutterstock.com).
17. Церковь монастыря Мирелейон, Константинополь (Pavle Marjanovic/Shutterstock.com).
18. Византийская церковь, Охрид (S-F/Shutterstock.com).
19. Собор Святой Софии, Киев (Kiev.Victor/Shutterstock.com).
20. Памятник Киевскому князю Владимиру, Лондон (фото автора).
21. Великая Лавра, гора Афон (Dmitri Ometsinsky/Shutterstock.com).
22. Руины Преслава, Болгария (Little_Desire/Shutterstock.com).
23. Монастырь Осиос Лукас, Греция (Anastasios71/Shutterstock.com).
24. Зоя, мозаика в соборе Святой Софии (PavleMarjanovic/Shutterstock.com).
25. Константин IX Мономах, мозаика в соборе Святой Софии (Pavle Marjanovic/Shutterstock.com).
26. Алексей I Комнин, изображение на монете (фото автора).
27. Иоанн II Комнин, мозаика в соборе Святой Софии (Antony McAulay/Shutterstock.com).
28. Монастырь Пантократора, Константинополь (aydngvn / Shutterstock.com).
29. Деисус, мозаика в соборе Святой Софии (Artur Vogacki / Shutterstock.com).
30. Церковь Святой Софии, Монеувасия (TellyVision/Shutterstock.com).
31. Церковь Христа Спасителя в Хоре, Константинополь (Mario Savoia/Shutterstock.com).
32. Мистра, Греция (DiegoMariottini/Shutterstock.com).
33. Собор Святой Софии, Бэйсуотер, Лондон (фото автора).

Карты

Византийская империя ок. 500 г.

Византийская империя ок. 565 г.

Византийская империя ок. 741 г.

Византийская империя ок. 900 г.

Византийская империя ок. 1050 г.

Предисловие и благодарности

Эта книга — мое путешествие в тысячелетнюю историю Византии, построенное вокруг давно занимавших меня вопросов, людей и событий. Главное, что мне хотелось понять: каким образом Византия просуществовала так долго, несмотря на все потрясения и вторжения, которые ей довелось пережить, и почему в конце концов исчезла столь бесследно. Ради того, чтобы ответить на эти вопросы, я оставил в стороне многое из того, что другой автор, вероятно, включил бы в повествование, и в то же время рассмотрел те аспекты, которые другие могли бы счесть второстепенными или даже несущественными.

О разделе «Дальнейшее чтение» в конце также могу сказать: он не претендует на полноту — это скорее идеи для следующего шага — и ограничивается широкодоступными книгами на английском языке. Разумеется, написано о Византии гораздо больше.

Что касается византийских имен, в целом я старался транслитерировать их как можно ближе к оригинальному греческому звучанию, но не стремился добиться этого любой ценой. Их произношение, как и освещение событий, и их толкование — это мой личный выбор.

Однако, хотя книга представляет мой взгляд на «забытый мир» Византии, на нее как прямо, так и косвенно повлияли

и другие люди. Так, она много приобрела благодаря комментариям двоих благосклонных анонимных обозревателей, а также отзывам Хэзер Макаллум и Рэйчел Лонсдейл из Yale University Press. Лиз Хорнби тщательно отредактировала текст. Эндрю Серджент любезно прочитал рукопись с позиций заинтересованного неспециалиста и спас меня от множества нестыковок, ошибок и упущений. Работа на кафедре истории Королевского колледжа Холлоуэй также оказала на меня большое влияние. Я бы не написал эту книгу вовсе, если бы у меня не было возможности опробовать свои идеи на студентах программы бакалавриата, которые стали слушателями моих курсов «Византия и ее соседи» и «Падение Константинополя». Их вопросы, ответы и возражения заставили меня уточнить и доработать свои концепции, а в некоторых случаях и вовсе пересмотреть их. Также я в долгу перед тремя руководителями кафедры — Джонатаном Филлипсом, Сарой Ансари и Джастином Чемпионом — за ту помощь, которую они мне оказывали и в исследованиях, и в преподавании, а также перед Пенелопой Малленз и Мари-Кристин Окенден, благодаря которым все административные вопросы решались легко и без усилий. В конечном счете это огромная привилегия — писать исторический труд, работая на соответствующей кафедре, тем более столь крупной, с разносторонними научными интересами.

*Королевский колледж Холлоуэй
Лондонского университета
Январь 2015 года*

Пролог

*Много где встречаются руины древних памятников,
но непонятно, почему их так мало сохранилось...*

ОЖЬЕ ГИСЛЕН ДЕ БУСБЕК,
ПОСОЛ ИМПЕРАТОРА Священной Римской империи
в Константинополе, 1555–1562 гг.

В середине XVI века столица Османского султаната была одним из крупнейших и богатейших городов мира. Она являлась сердцем империи, раскинувшейся от Крыма до Алжира, а ее быстро растущее население составляло больше 400 000 человек. Широко известный как Стамбул, официально город назывался Константинополем. Его властитель, Сулейман Великолепный (правил в 1520–1566 гг.), был не только одним из величайших завоевателей в истории империи, но и мусульманским халифом, и потому улицы и площади Константинополя украшали около 300 мечетей, что демонстрировало величие духовной, а также и светской власти султана. На холме в центре города возводилась великолепная новая мечеть с четырьмя минаретами. По завершении строительства она будет располагать целым комплексом медресе, бань и больниц. Известная как Сулеймание, по имени султана, по чьему повелению она была построена, мечеть станет главной в столице самого могущественного исламского правителя того времени, главы всех правоверных мусульман.

В 1544 году в Константинополь прибыл француз по имени Пьер Жиль. Получивший классическое образование, увлеченный натуралист, он отправился туда по поручению своего государя Франциска I, чтобы найти древние рукописи для королевской библиотеки в Фонтенбло. Однако ему пришлось пробыть в Константинополе гораздо дольше, чем планировалось: в 1547 году король Франциск умер, об ученом и его миссии благополучно позабыли, и Жиль остался без средств, необходимых для возвращения домой. Через три года, чтобы свести концы с концами, он вынужден был завербоваться в войско султана и отправиться на Восток сражаться с персами. Но до того, во время его вынужденного пребывания в Константинополе, он много бродил по улочкам столицы и хорошо изучил ее. Его занимал вовсе не современный ему город. На его взгляд, на фоне величественных новых мечетей городские улицы выглядели еще более грязными и запущенными. Как человек классического образования, он искал следы древнего прошлого, когда город был известен как Византий. К его разочарованию, почти ничего от той эпохи не сохранилось, но Жиль вскоре заинтересовался тем, что осталось от более поздних веков, когда Константинополь был столицей христианской, а не мусульманской империи, и его властители говорили по-гречески, а не по-турецки. Его современники называли это исчезнувшее государство Византийской империей, или Византией, и, так как она окончательно прекратила свое существование всего за столетие до этого, от нее, по сравнению с сегодняшним днем, еще что-то уцелело. Жиль, сколько мог, с энтузиазмом искал сохранившиеся памятники этого погибшего мира. Он бродил вокруг строения, которое наиболее явно относилось к той эпохе, — бывшего христианского собора Святой Софии (Премудрости Божьей), возвышавшегося в центре города напротив султанского дворца Топкапы. Однажды, поскользнувшись, он упал в подземный резервуар, где обнаружил семь загадочных колонн. Кто-то сказал ему, что они были частью некогда великолепного дворца византийских императоров,

но сам Жиль был уверен, что это остатки портика, который когда-то окружал главную городскую площадь, Августеон. Он спустился под улицы и, в небольшой лодке, скользил меж могучих колонн подземной цистерны, под ее сводчатым потолком, который освещался только неровным светом факела. Он взбирался на портик, обозначавший восточную часть ипподрома, где византийцы смотрели гонки на колесницах, и с этого места ему было видно, как вдали, в проливе Босфор, режутся дельфины.

Выявлять наследие византийского прошлого оказалось, как вскоре выяснилось, непростой задачей. Слишком явный интерес к древностям вызывал подозрение у местных жителей, и в этом отношении христиане, жившие в городе, были не менее враждебны, чем турки. Поскольку Жиль делал замеры своих находок, его могли выдать властям как вражеского лазутчика. И если он привлекал к себе нежелательное внимание местных жителей, то избежать неприятностей можно было только одним способом — купить всем вина.

На древние крепостные стены, которые защищали Константинополь с запада, было легко взобраться, и Жиль смог измерить шагами расстояние между внутренним и внешним укреплениями. Но собор Святой Софии нужно было осматривать с куда большей осторожностью, поскольку теперь это была мечеть Айя-София и немусульмане не должны были заходить внутрь. Смешавшись с толпой, Жиль сумел попасть туда, оставшись незамеченным, и своими глазами увидел ее парящий купол. Но когда дело дошло до измерений, ему пришлось заплатить турку, чтобы тот выполнил эту работу.

Зачарованный свидетельствами прошлого, Жиль тем не менее понимал, что это лишь малая часть византийских памятников, некогда украшавших Константинополь. Множество церквей, монастырей и дворцов, упоминавшихся в прочитанных им текстах, попросту исчезли. Он знал, что во Влахернах у городских стен должен быть второй дворец византийских императоров, но не сумел найти его. Он искал храм

Святых апостолов, который, как говорили, уступал в размерах разве что Святой Софии, но не обнаружил никаких следов — даже фундамента. Один памятник был уничтожен прямо у него на глазах. Неподалеку от собора Святой Софии он наткнулся на гигантскую бронзовую ногу, торчавшую из кучи обломков. Ему очень хотелось подойти и измерить ее, но он не решился, побоявшись привлечь к себе внимание. Однако и безо всяких измерений было видно, что нога больше его роста. Далее, как бы невзначай оглядывая эту свалку, он обнаружил нос длиной около 20 сантиметров и ноги лошади. Из прочитанного Жиль знал, что это могло быть. Он оказался одним из последних людей, которым довелось увидеть огромную конную статую императора Юстиниана I. Тысячу лет она простояла на высокой колонне на центральной площади византийского Константинополя. Император восседал на скачущем коне, его правая рука была поднята во властном жесте, предупреждающем врагов, в левой лежал шар, увенчанный крестом. Теперь же это изваяние лежало в виде обломков на земле в ожидании окончательной гибели, и рабочие уже начали отвозить его фрагменты в литейную, где их должны были переплавить в пушки. Жилю оставалось лишь сожалеть о том, что турки столь враждебно относились к скульптуре и к архитектурным красотам — едва ли это было справедливо в отношении столь великолепных произведений искусства и сооружений. Увлеченный древними памятниками, Жиль не проникся теплыми чувствами к современному ему Константинополю и его жителям и, уезжая, поклялся никогда туда больше не возвращаться.

* * *

Спустя несколько лет, вернувшись с Востока и поселившись в Риме, Жиль описал свои впечатления и находки в труде «Древности Константинополя», который был опубликован в 1561 году, уже после его смерти. Исчезновение столь многих вещественных свидетельств существования такого могуще-

ственного и процветавшего государства, как Византия, побудило его задаться закономерным вопросом: как случилось, что христианские правители византийского Константинополя потеряли все и были поработаны «басурманами»? Все дело, заключил он, в характере, который формируется климатом этой части суши:

Ввиду этого, хотя Константинополь кажется по природе своей созданным для того, чтобы властвовать, жители его не имеют ни добродетелей просвещения, ни строгой дисциплины. Благородствие сделало их ленивыми ... [и] совершенно не способными к какому-либо сопротивлению варварам, коими они на огромные расстояния окружены со всех сторон.

Жиль был далеко не первым и не последним, кто объяснил падение Византии ленью и моральной распущенностью ее жителей. Два столетия спустя эта тема была подхвачена Эдвардом Гиббоном, который в последних томах своего авторитетного труда «История упадка и разрушения Римской империи»* писал о «малодушии и разладе» среди «греков», как он и многие другие называли византийцев. Даже сегодня бытует представление, будто с византийцами что-то было не так, чем и объясняется, почему их государства больше нет на карте. Вместо того чтобы собирать и вооружать легионы против своих многочисленных врагов, они, игнорируя политическую и экономическую реальность, предавались церемониальным действиям, собиранию древностей, догматическим спорам и украшению церквей. И если достижения древних греков и римлян имели глубокое влияние на современный мир и о них регулярно рассказывают в телевизионных программах и на школьных уроках, то Византия в значительной степени предана забвению.

Есть, однако, один очень неудобный факт, который не позволяет так легко сбросить ее со счетов. Если византий-

* Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I–VII. СПб.: Наука, Ювента, 1997–2004.

цы и впрямь были настолько бездеятельными и жалкими, что не сумели защитить себя, почему же их государство просуществовало так долго? История знает немало недолговечных империй, например Александра Македонского и Аттилы: образовавшиеся в результате военных завоеваний, они разваливались сразу после смерти своих харизматичных создателей. Византия, напротив, оказалась одной из самых долговечных держав в истории человечества. Если началом ее считать наречение Константинополя столицей в 330 году, а концом — захват города турками-османами в 1453 году, то она просуществовала больше 1000 лет. Этот рекорд долгожительста впечатляет тем больше, что установлен он был в самых что ни на есть неблагоприятных условиях. В истории наблюдается отчетливая тенденция: в стремлении ли бежать от угнетения или экологической катастрофы, в поисках ли лучшей жизни или из желания завоевывать и грабить, но люди постоянно находятся в движении. Бывают периоды, когда это движение несколько замедляется. Так было, например, с 31 года до н. э. до 180 года, что позволило Римской империи сохранять обширную территорию, оставаясь почти в одних и тех же границах. На долю Византии, которая стала преемницей Римской империи, такой удачи не выпало. На протяжении всей своей истории она постоянно находилась на пути переселения народов, которые двигались на запад из степей Азии и с Аравийского полуострова.

Именно это больше, чем что-либо еще, предопределило ее участь. Ее самобытное общество и характер сформировались в ответ на постоянную серьезную угрозу территориальной целостности. Перед лицом такого вызова одной только военной мощи было недостаточно. Срази в бою одну армию чужаков, и на ее место придут три. Нужен был новый образ мышления, чтобы найти другие способы нейтрализовать угрозу путем либо интеграции и заключения соглашений, либо подкупа и интриг, либо — и это самый необычный путь из всех — создания внешнего великолепия, цель которого — смущать врагов

и привлекать их в свои ряды в качестве друзей и союзников. Империю регулярно сотрясали катастрофы, и все же ей удавалось выживать и восстанавливаться. Возможно, сами византийцы отчасти виноваты в том, что эти особенности истории их цивилизации не были оценены по достоинству. Своей литературой, искусством и церемониальными действиями они ввели всех в одно из величайших заблуждений в истории, представляя свое общество как неразрывно связанное с прошлым: до самого конца они настаивали на том, чтобы считаться «римлянами», как будто с древних времен ничего не изменилось. На самом же деле перед лицом нескончаемых угроз Византия постоянно развивалась и менялась. Очень легко воспринимать византийцев так, как они воспринимали себя сами, и упускать из виду отличительные черты их общества. Жиль, Гиббон и все остальные, кто пытался понять, почему Византия исчезла с лица земли, задавались не тем вопросом. Дело не в том, почему она перестала существовать, интересно другое: как она вообще выживала и даже какое-то время процветала — вопреки всему?

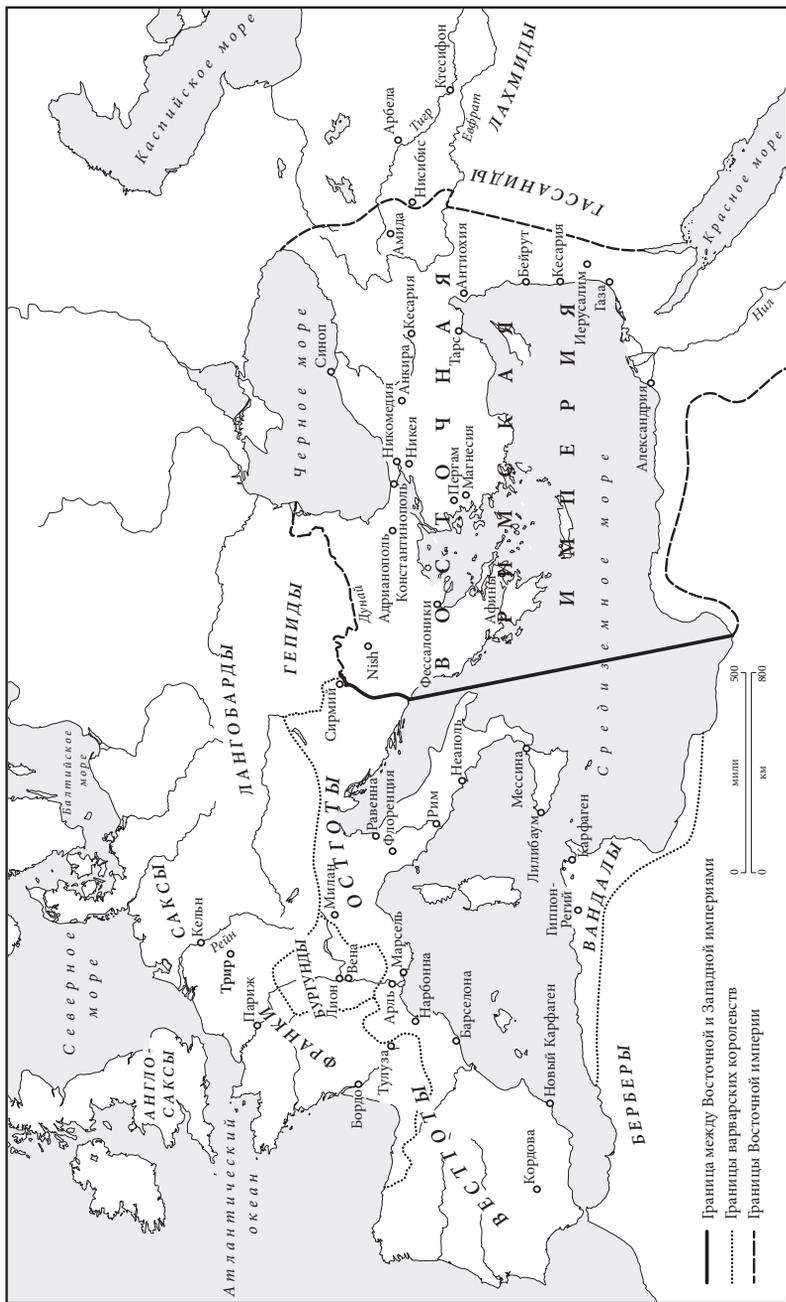
Сумерки богов

Я описал торжество варварства и религии.

ЭДВАРД ГИВБОН, 1776 г.

Разрушенные памятники Константинополя были не единственными следами, оставшимися от Византии к 1540-м годам, спустя век после того, как она прекратила свое существование. По всей Западной Европе в библиотеках королей, герцогов и кардиналов хранились рукописи религиозных и классических текстов на греческом языке, которые некогда были тщательно скопированы византийскими переписчиками. Турок мало интересовали уцелевшие книги исчезнувшей империи, и они охотно продавали эти манускрипты таким людям, как Пьер Жиль, а те увозили их к себе на родину. Некоторые рукописи были вывезены беженцами. Чего только среди них не находилось: от Евангелия и Псалтиря до драгоценных трудов древнегреческих философов, которые на протяжении многих веков были недоступны на Западе.

Один из таких манускриптов, Codex Vaticanus Graecus 156, по сей день хранится в библиотеке Ватикана. Там есть и сотни других византийских рукописей, но эта — особенная. Ее облеченные в сан владельцы не желают, чтобы эту рукопись читали, и до середины XIX века доступ к ней был строго ограничен. Когда-то несколько страниц манускрипта были акку-

Византийская империя ок. 500 г.

ратно и целенаправленно вырезаны, и их содержание мы уже никогда не узнаем. Остается удивляться, как это свидетельство подрывной деятельности вообще сохранилось. Датированная X веком, Graecus 156 является более поздней копией исторического труда, написанного на греческом около V века. Его автором был Зосима, государственный служащий, о котором неизвестно почти ничего. Но он оставил описание переходного периода от Римской империи к ее правопреемнице, Византии.

Зосима был свидетелем проигравшей стороны. Он изложил историю империи до 410 года, но с самого начала ясно дал понять, что это история упадка и разложения и в его время империя была уже не та, какой должна была быть. К тому времени, когда он писал свой труд, ее территория сократилась наполовину. Западные провинции уже ушли из-под власти императора и были заселены различными германскими племенами, которые Зосима — как и его сограждане — презрительно называл «варварами». Северная Африка находилась под властью вандалов, Испанией правили вестготы, Галлией — франки и бургунды, Британией — англ, саксы и юты. Даже Италия и древняя столица империи Рим были утрачены и принадлежали теперь королю остготов. Вместо Рима столицей того, что осталось от империи — Балкан, Малой Азии, Сирии, Палестины и Египта, — стал восточный город Константинополь. Как же до такого дошло? Зосима не сомневался в ответе. Когда государство вызывает гнев богов, его неизбежно ожидает упадок. Именно это и произошло с империей, которая отвернулась от обитателей Олимпа, приведших ее к процветанию и величю, и обратилась к новомодной религии — христианству.

Не сомневался Зосима и в том, кто повинен в этом греховном отказе от традиционной веры и последующем упадке государства: он прямо указывает на человека, который был властителем Византии в 306–337 годах, как на «источник и начало разрушения империи». Его звали Константином, и был он, по мнению Зосимы, выскочкой. Да, его отец Констанций сидел на императорском престоле, но, как саркастически замечает

Зосима, сам Константин был незаконнорожденным, плодом ночи любви с дочерью трактирщика. Тем не менее мальчику удалось попасть во дворец и добиться от отца большего расположения, чем законным сыновьям. В те времена Римская империя еще простиралась от Сирии на юго-востоке до Британии на северо-западе, и, когда Констанцию пришлось отправиться с войском к северным границам, честолюбивый Константин последовал за ним. Констанций достиг Йорка и там в 306 году умер. Солдаты его армии немедленно провозгласили молодого Константина — сына блудницы, как называет его Зосима, — следующим императором. Все это было очень хорошо, однако в империи оставались и другие претенденты на верховную власть, и Константину пришлось воевать со своими соперниками по очереди. В 312 году в битве у Мильвийского моста на реке Тибр он одержал победу над Максенцием и стал владыкой Рима и западных провинций. А в 324 году расправился со своим бывшим союзником, Лицинием, и после этого, как с явным сожалением отмечает Зосима, вся империя оказалась под властью Константина.

Теперь Константину, которому, когда он стал самым могущественным человеком в мире, уже перевалило за 50, больше не было нужды скрывать свою «злобную натуру». Она проявилась, как утверждает Зосима, когда у него возникло подозрение, будто его молодая жена Фауста вступила в любовную связь с его сыном от прежнего брака Криспом. Молодой человек был немедленно казнен. Но Фаусту по решению Константина ждала еще худшая участь: ее заперли в раскаленной бане, где она в конце концов и задохнулась. Когда же дело было сделано, Константин, по словам Зосимы, начал вдруг терзаться виной. Одно дело — убивать врагов в бою, и совсем другое — прикончить жену и сына. Возможно, он боялся, что боги нашьют на него страшную кару, как они поступили с мифическим Танталом, убившим своего сына Пелопса: этот бессердечный отец был приговорен провести вечность, стоя по шею в воде, страдающая от безумной жажды и от того, что прохладная вода, стоило

ему поклониться, чтобы испить ее, сразу исчезала. Желая избежать такой участи, Константин созвал на совет священников и мудрецов, но все они сказали ему, что такое страшное преступление нельзя искупить.

Случилось так, что в это время в Риме появился египетский христианин. В начале IV века христиане составляли меньшинство среди населения империи, но в некоторых крупных городах Церковь имела много последователей. Император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.) не питал приязни к этому развивающемуся религиозному культу и в 303 году издал указ о том, что церкви должны быть снесены, а копии Писания уничтожены. Христиане, занимавшие высокие посты в государстве, должны были быть понижены в ранге и принести в приказном порядке, под страхом смерти, жертвы богам. Указ приводился в исполнение, хотя и не целиком и полностью, и многие христиане приняли смерть за свою веру, однако Церковь в целом не была уничтожена и даже при императорском дворе осталось несколько христиан. Знакомство с некоторыми из них привело к тому, что гость из Египта был допущен к Константину. Он заверил императора, что христианский Бог прощает даже самые тяжкие грехи. Как сообщает Зосима, Константин проглотил наживку. Он отменил политику Диоклетиана, положил конец гонениям и стал открыто демонстрировать благосклонность к христианской церкви, пренебрегая культом олимпийских богов. Зосима ужасался такой нечестивости и отказу Константина от веры предков.

Но это не все: в вину Константину Зосима вменил также и то, что он принял решение построить новый и совершенно ненужный город и это истощило население и ресурсы империи. По свидетельству Зосимы, религиозные преобразования императора не прибавили ему популярности среди римлян, особенно когда он попытался запретить традиционные языческие обряды, отправлявшиеся на Капитолийском холме. Поэтому он решил перебраться на Восток и перенести свою резиденцию туда. Сначала Константин хотел основать новый город

неподалеку от места, где находилась древняя Троя, на побережье пролива Дарданеллы в Малой Азии, но через несколько лет передумал и двинулся дальше. В конце концов он остановил свой выбор на городе Византий. Чтобы сделать его достойным своего присутствия, Константин решил полностью перестроить город, возведя там все те грандиозные здания и памятники, которые были и в Риме: Сенат, центральную площадь, получившую название Августеон, ипподром для состязаний на колесницах и парадную императорскую резиденцию, Большой дворец. Там должно было быть много церквей и большой собор, посвященный Премудрости Божией, или Святой Софии, но Константин решил подстраховаться и позаботился о том, чтобы в городе были и несколько языческих храмов. Новая столица была переименована в его честь в Константинополь, «город Константина». Зосима крайне неодобрительно относился к этому проекту и возмущался тем, что на его реализацию уходили огромные суммы, ради изыскания которых всю империю обложили высокими налогами. При этом, по его словам, Константинополь как магнит притягивал переселенцев со всех концов империи, жаждавших разбогатеть, пользуясь моментом и благосклонностью императора. Население быстро росло, улицы города были полны народа. Земли не хватало, прямо под городскими стенами возникали пригороды, в морское дно вбивали сваи и устанавливали платформы, на которых также можно было построить дома. В глазах Зосимы этот город был гнойной опухолью, которая однажды лопнет и прольется кровь, памятником тщеславию и неумеренной расточительности Константина.

Было и третье обвинение, которое Зосима добавил к тому, что Константин нечестиво отказался от почитания традиционных богов и построил совершенно ненужный город. Уверенно расправляясь с внутренними врагами, император не преуспел в борьбе с варварами, которые осаждали границы империи. Когда на ее территорию вторглись каких-то 500 конных воинов, Константин, по утверждению Зосимы, попросту бежал.

Вдобавок если благочестивый языческий император Диокле-тиан принял меры к тому, чтобы граница всегда была надежно защищена, разместив легионеров в оборонительных сооруже-ниях по всей ее длине, то Константин решил, что войска долж-ны находиться в городах. Таким образом он не просто оставил границы незащищенными, но и разрушил милитаристский дух империи, позволив воинам пребывать в лени и ублажать себя. А христианская религия, по мнению Зосимы, лишь уско-ряла процесс разрушения, поскольку призывала отказаться от добродетелей мужественности и отваги, которые возвеличи-ли Рим, и прославляла новые идеалы целомудрия и отречения от мира. Монахи же и вовсе вызывали у него отвращение, пото-му как были «бесполезны для войны или иной службы государ-ству». Во дворцы императоров пришли не воины, а скопцы, чтобы занять свое место во власти. Поэтому-то, хотя прошло еще около 100 лет после Константина, прежде чем границы империи не выдержали натиска, именно его Зосима решитель-но порицал за ее упадок и утрату западных провинций. «Когда наши души плодородны, мы процветаем, — заключал он, — но, когда душа становится бесплодна, мы ослабляемся до нашего нынешнего состояния».

* * *

Скептическое отношение Зосимы к Константину и его пред-ставление о закате империи разделяли не все. Совершенно не удивительно, что христиане относились к человеку, кото-рый спас их Церковь от гонений и сделал христианство офици-альной религией империи, иначе. Одним из первых, кто решил во всеуслышание возблагодарить его за это, был епископ пале-стинского города Кесарии, некий Евсевий. Современник Кон-стантина, он испытал все ужасы гонений Диоклетиана и, едва они прекратились, поспешил спеть дифирамбы новой власти, написав весьма льстивую биографию Константина. Он преду-смотрительно не стал описывать обстоятельства рождения будущего императора и начал повествование с того момента,

когда Константин оказался в императорском дворце. Уже тогда, по утверждению Евсевия, дух добродетели обеспечивал ему моральное превосходство над окружавшими его язычниками. Его благочестие и красота вызывали во дворце зависть, так что он вынужден был отправиться в Британию, к отцу. Сам Господь распорядился так, что Константин оказался рядом, когда его отец умер, и, естественно, был избран преемником. Когда же Константину пришлось отстаивать свою власть в борьбе с соперниками, Господь и тут не оставил его. В 312 году его войско стояло у Рима, готовясь к битве с Максенцием, и тогда Константину якобы было видение креста на солнце со словами «сим побеждай». В ту ночь, писал Евсевий, сам Иисус Христос явился Константину и повелел ему сделать знамя, подобное виденному на небе, и нести его впереди войска в грядущей битве. Это знамя привело Константина к победе в сражении у Мильвийского моста и обратило его к новой вере, после чего он издал указ, положивший конец преследованиям христиан. Евсевий ни словом не упоминает ни об убийстве Криспа и Фаусты, ни о вине, терзавшей Константина, которая и привела его в лоно Церкви.

По версии Евсевия, установление Константином в 324 году единоличной власти над империей дало ему возможность в полной мере проявить свою щедрую и благочестивую натуру. Превращение Византия в Константинополь не было пустой тратой денег и сил, но проявлением христианского благочестия. Новый город был задуман как сугубо христианский, не опороченный языческими богослужениями: упоминаемым Зосимой языческим храмам в труде Евсевия места не нашлось. И уж конечно, Константин не ослаблял границы и не впускал в империю варваров. Напротив, он подчинил их власти Рима, и вовсе не римляне платили ежегодную дань варварам, а, наоборот, те смиренно возлагали свои дары к ногам Константина. Он вовсе не разорял империю, а был ее спасителем.

Судя по всему, Константин был правителем, который вызывал у своих подданных либо искреннюю преданность, либо

лютую ненависть. Если же взглянуть на его царствование беспристрастно, то оно не было ни катастрофой, ни началом Золотого века. Скорее в его правление происходил процесс трансформации, когда империя адаптировалась к новому и опасному окружающему миру. Во времена Константина впервые проявились все характерные особенности византийской цивилизации: монументальная неприступная столица в Константинополе; господство христианства; политическая теория, которая возвеличивала императора, но также и налагала на него ограничения; преклонение перед аскетической духовностью; акцент на визуальное выражение духовного; и выходящий за рамки военного подход к угрозе на границах.

* * *

В каком-то смысле недовольство Зосимы новым, быстро растущим городом Константинополем было оправданно. Где-то к 500 году он уже был безнадежно перенаселен, а потому трудноуправляем и взрывоопасен. Малейшего повода хватало, чтобы на улицах вспыхнули беспорядки. В начале V века городским архиепископом был Иоанн Хризостом (Златоуст), снискавший большую популярность в народе: его пламенные проповеди всегда привлекали целые толпы. К несчастью, его недолюбливала Евдоксия, супруга императора Аркадия (правил в 395–408 гг.). Златоуст подверг ее критике за то, что она присвоила в Константинополе кое-какое имущество, поправ права законных владельцев. Ее глубоко оскорбили некоторые из его проповедей, в которых он, хотя и не называя имен, обличал могущественных и коварных женщин. В июне 404 года Златоуст был отправлен в ссылку, но его сторонники отомстили за него. Решив, что никто не должен занять место Хризостома, толпа сторонников изгнанного архиепископа ворвалась в собор Святой Софии и подожгла его. К утру от него остались лишь дымящиеся развалины.

Однако не только вопросы религии возбуждали страсти в Константинополе на заре его существования. Гонки на колес-

ницах, которые проходили на ипподроме, привлекали огромные толпы болельщиков двух главных команд: «зеленых» и «синих». Успешные колесничие становились знаменитостями: в их честь слагали стихи, их скульптурные изображения устанавливали в общественных местах наряду со статуями императора. Драки между болельщиками двух соперничающих команд были обычным делом, но однажды «синие» и «зеленые» объединились, и это всерьез напугало власти. В 498 году несколько болельщиков были арестованы за бросание камней. Толпа их товарищей обратилась к императору, престарелому Анастасию (правил в 491–518 гг.), с требованием освободить заключенных, но получила твердый отказ. Больше того: против непокорных был отправлен отряд солдат. Это послужило сигналом к общему возмущению на ипподроме, где как раз перед гонками собралось много народа. Толпа начала забрасывать камнями царскую ложу, где император уже занял свое место, чтобы присутствовать на состязании. Один большой камень, брошенный из толпы чернокожим болельщиком, едва не попал в Анастасия, и императорские телохранители бросились на преступника и изрубили его мечами в куски. К этому моменту выходы с ипподрома были уже закрыты, и толпа подожгла главные ворота. В результате и сам ипподром, и местность вокруг него сильно пострадали. В конце концов нескольких главных злоумышленников поймали и подвергли наказанию и порядок был восстановлен, но произошедшее еще раз продемонстрировало, как быстро перенаселенный город может превратиться в арену боев.

Однако если относительно взрывоопасности Константинополя Зосима был прав, то оценить значение нового города в других аспектах он не мог. Эта столица возникла вовсе не потому, что Константин хотел бежать из Рима и был к тому же исключительно тщеславен. У него имелись очень веские причины на то, чтобы основать новый город именно в это время и в этом месте. Уже не один год императоры не стремились постоянно находиться в Риме — древняя столица отстояла слишком